

К 80-летию со дня смерти выдающегося философа права

КРИТИКА ПАВЛОМ НОВГОРОДЦЕВЫМ УТОПИЙ БЕЗГОСУДАРСТВЕННОСТИ (ПРОТИВ МАРКСИЗМА И АНАРХИЗМА)

Доц. Д-р Александр Николаевич Литвинов

Луганская академия внутренних дел имени 10-летия независимости Украины,
ул. К. Маркса, 4, пос. Юбилейный, 91493, г. Луганск, Украина
Тел./факс 8-10-380-642-55-32-00
Тел. 8-10-380-642-55-19-00

Ключевые слова: утопия безгосударственности, марксизм, анархизм, терроризм, правовое государство, личность, общество, общественный идеал.

Краткое содержание

В статье излагается и анализируется критический аспект государствоведческой концепции одного из самых значительных русских философов права конца XIX – начала XX столетий Павла Новгородцева. Его имя в советский период было предано забвению, поскольку он был первым в России научным критиком марксизма. Ученый на основе историко-философского исследования общественного идеала показал угрозу утопий безгосударственного состояния, которые неизбежно приводят к режимам, по сути своей террористическим. Самыми опасными, учитывая степень их влияния, П. Новгородцев считал марксизм и анархизм, сущность первого из которых он видел в рационалистической абсолютизации общественности, сущность второго – в иррационалистической абсолютизации индивидуализма.

Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) – юрист и общественный деятель, один из самых выдающихся русских философов права рубежа XIX и XX веков, фигура европейского масштаба, признанный уже при жизни главой московской школы "возрожденного естественного права" или московской школы философии права, влияние которой на дальнейшее развитие правоведческой мысли сегодня переоценить невозможно. Даже короткое перечисление имен его учеников и последователей свидетельствует о высочайшем рейтинге этой школы: Н. Алексеев, Б. Вышеславцев, С. Гессен, И. Ильин, В. Савальский, Г. Флоровский, С. Франк, А. Яценко. В этом ряду можно назвать и Б. Кистяковского, с которым он тесно сотрудничал в начале столетия и который во многом разделял взгляды П. Новгородцева. Будучи одной из самых заметных фигур в российском правоведении начала прошедшего столетия, он, тем не менее, оставался неизвестным на протяжении десятков лет. Причиной такого замалчивания в советский период было то, что Новгородцев был одним из лидеров политического направления в философии права редактором нашумевшего антимарксистского и антипозитивистского сборника статей «Проблемы идеализма» [11, с. 278–347], а главное – первым научным критиком марксизма, показавшим не только его научную несостоятельность, но и чрезвычайную общественную опасность. Немаловажную роль здесь сыграла, конечно, и его активная борьба с советской властью в годы Гражданской войны в России в 1917–1920 годах. Среди множества работ отметим те, которые должны были составить главный труд его жизни, где он планировал в обобщенном виде изложить результаты своих научных изысканий – трёхтомник «Введение в философию права». Основой первого тома «Возрождение естественного права» должны были стать известные статьи (по объёму фактически научные трактаты) «Нравственный идеализм в философии права (к вопросу о возрождении естественного права)» [8, с. 278–347] и «Государство и право» [7]. Второй том под названием «Кризис со-

временного правосознания» был опубликован впервые в 1909, переиздан в 2000 году [6]. Третий том этого общего труда – самое известное его сочинение «Об общественном идеале», впервые издан в Москве (1917 г.), затем издавался в Киеве (1919 г.) и Берлине (1921 и 1922 гг.). В советское время издан на закате «перестройки» в 1991 году. Как и первый том, он не был завершен автором.

П. Новгородцев считается одним из выдающихся теоретиков правового государства, исследовавшим исторические корни этого типа организации общества, который складывался не одно столетие. Будучи доктором государственного права, профессор П. Новгородцев категорически отвергал утопии безгосударственного состояния, показывая истоки подобных идей в примитивном стремлении людей к элементарной беззаботной и сытой жизни, которая представлялась им как земной рай. Хилиастические идеи, сопровождающие человечество на протяжении фактически всей его истории, всегда опирались на соответствующий общественный идеал, впрочем, как и любые социальные и политические идеи. Отсюда то значение, которое придавал идеалу П. Новгородцев. Если оценить его научную позицию с самых широких позиций философии права, то обязательно следует подчеркнуть, что настойчивое доказывание и отстаивание общественного идеала как задачи бесконечного совершенствования, а не конечного совершенства, следует расценивать как весьма определенный и важный шаг на пути "взросления" человечества, если таким образом можно назвать рациональное постижение бытия вместо наивно-мифологического объяснения его сущности. П. Новгородцев показал невозможность преодоления противоречий между личностью и обществом, а потому избавление от иллюзий возможности бесконфликтной и беспроблемной ("райской") жизни на земле считал жизненно необходимым и принципиальным. Все оракулы, вещавшие о владении тайной совершенной организации общественной жизни, от вещунов и шаманов древнего мира до создателей грандиозных теоретических конструкций типа научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса приводили людей с их наивной верой в чудо лишь к разной степени тяжести бедам и разного масштаба катастрофам. Взрослеющее человеческое общество – это общество, которое трезво оценивает факт своего пребывания в этом вечно меняющемся и стремительно несущемся в бесконечном Космосе мире как один из множества иных фактов, пускай он будет наиболее сложным и разнообразным по системным связям и качеству их отношений.

Однако разные по степени влияния и силы движения отчаявшихся в справедливости людей, искренне подхватывающих хилиастические идеи, снова и снова возвращают к представлениям, которые конкретизируют это чудо. Такое упрощение социальных связей, большей частью основанных на принципах практически абсолютного равенства, ведет к стремлению столь же просто решить и сложнейшие социальные проблемы. Если же здесь замешаны еще и низкие инстинкты и такие же чувства (зависть, месть и т.п.), что, как правило, и бывает в жизни, то подобное упрощение решений сводится к элементарным силовым действиям, целью которых является нанести ущерб противной стороне. Таким является и один из аспектов терроризма, как представляется – один из основных.

Редукционизм, в основном религиозного характера, стал неотъемлемой чертой различных утопий, начиная от моделей идеального государственного устройства (наиболее известная – Платонова), и заканчивая категорическим отбрасыванием государства (наиболее известная и радикальная – анархическая). Интересно, что и право в перспективе признавалось тем, от чего человечество избавится, как только будет достаточно норм морали для регулирования общественных отношений (у марксистов). Добавим, что известны даже правоведы, которые в своих прогнозах, а попросту в мечтаниях, доказывали неизбежность исчезновения не только права, но и морали настаивая в то же время на возрождении естественных правовых основ государственности (Л. Петражицкий) [2].

П. Новгородцев, осуществляя критический анализ утопий безгосударственного общественного устройства, считает своей задачей показать "диалектическую неизбежность" из гибели, для чего необходимо исследовать их судьбу, т.е. историческое развитие [9, с. 206]. Он останавливается прежде всего на утопических построениях социализма и анархизма, поскольку "по абсолютизму своих притязаний, по силе возбуждаемых ими надежд и, наконец, по широте своего распространения они далеко оставляют за собой другие воззрения этого рода"[9, с. 271]. Однако здесь сразу же необходимо отмежеваться от указанных направлений, учитывая их не только утопизм, но и неконструктивность и опасность. Ведь черты утопизма как несбыточной мечты

присущи и теории естественного права, которую так жарко отстаивал П. Новгородцев. Однако, как отмечает украинский философ права С. Максимов, ссылаясь, кстати на авторитет П. Новгородцева, «это не просто мечты, а выражение сути собственно правовой реальности, носящей деонтологический характер» [3, с. 81], т.е. имеющей перспективно-гуманистическую направленность.

Отношение марксизма к государству П. Новгородцев называет очень сложным и двойственным, отмечая, что утопия абсолютного совершенства подсказывала одни выводы, а эволюционная теория, на которой основывалась его философия, – другие. Именно это было основой дальнейшего раскола этого течения на "два враждебных и резко противоположных направления" [3, с. 271]. Первая из названных посылок марксизма, то есть утопия абсолютного совершенства и была основой позиции полного отрицания государства, мечты о безгосударственном, анархическом состоянии, в котором "свободное развитие каждого является условием свободного развития всех" [5, с. 127]. Из этой позиции, как известно, вытекало требование безусловного разрыва с прошлым и такого же безусловно отрицательного отношения к истории. П. Новгородцев подробно рассматривает эту позицию основоположников "научного социализма", где социалистическое состояние противопоставлялось состоянию государственному как, во-первых, совершенно новое, и, во-вторых, совершенно иное. Тут же русский ученый указывает на близость этой утопии безгосударственного состояния позиции анархизма, или, как он говорит, "мечте анархизма об идеальном существовании без государства и государственной власти на основе свободного самоопределения общества" [9, с. 271–272.]. Он подробно рассматривает представление об этом идеальном состоянии в истории марксизма и вопрос о том, откуда же следует, что государственной власти в этом состоянии не будет. Еще в ранних статьях 1844 года, – говорит П. Новгородцев, – К. Маркс дает на этот вопрос ответ ясный и вполне определенный, хотя и мало удовлетворительный с точки зрения юридической науки. Отталкиваясь от гегелевской философии права, где было установлено различие между обществом и государством, К. Маркс называет конечную идею Г. Гегеля о господстве государства над обществом частичной политической эмансипацией человечества, осуществляемой правовым государством. Здесь П. Новгородцев указывает на логически необоснованное, а значит теоретически слабое звено в концепции К. Маркса как в целом, так и в отношении к философии права Г. Гегеля. Ведь если даже новое правовое государство как высшая форма правового бытия, как концентрированное выражение общего и целого, будет даже не просто подчинено, а вытеснено обществом с его стихией частных эгоистических интересов, то эта предполагаемая К. Марксом всеобщая эмансипация (или, как он выражался, "безусловная человеческая эмансипация") изучает – теоретически – лишь отвлеченную видимость идеального, призрак государственного господства, а на самом деле такая свобода лишь развяжет эгоизм частных лиц. К. Маркс пытается избежать этой апологии торжества эгоизма и частного произвола при помощи анализа того переворота, который был осуществлен в общественных отношениях новым, как выражается П. Новгородцев, государством, то есть государством буржуазным, правовым. К. Маркс признавал его наивысшей формой государственного бытия, поскольку в нем устанавливалась непосредственная связь между индивидом и властью (а не через опосредование корпораций или сословий, как в государстве феодальном). Добавим, что эту форму государственного бытия характеризует также и не противостояние одной части социума другой, а начала солидарности, что призвал вслед за французским правоведом Л. Дюш, П. Новгородцев, и что считают важным признаком правового государства и современные исследователи [15, str. 420–422].

П. Новгородцев предпринимает следующий логический шаг для объяснения взглядов К. Маркса, точнее для облегчения их понимания. Поскольку основоположник «научного социализма» считал, что если то, что не дано совершить эмансипации политической при посредстве государства, будет совершено эмансипацией человеческой посредством революции самого общества и его составных частей [9, с. 276]. К. Маркс считал, что если современный ему человек есть существо эгоистическое, то задача состоит в том, чтобы превратить его в существо родовое. А отсюда следует, что если государство есть лишь призрак власти над обществом и неспособно обуздать эгоизм отдельного человека, то надо устранить этот призрак и сделать принцип общения и единства внутренним законом каждого человека, а значит уничтожить разделение общества и государства. Это означает, по Марксу, что надо вобрать государство в общество при помощи такого обобществления социальной жизни, когда

для ее правильного течения уже не нужно будет какой-то стоящей над человеком политической силы.

Данный вывод Карла Маркса, который так дорого обошелся человечеству, русский философ права считает квинтэссенцией знаменитого, как он подчеркивает, определения человеческой эмансипации, данной в статье "К европейскому вопросу", которую он цитирует. Суть этого определения – в интерпретации человека будущего как родового общества, которому политический аспект жизни уже не нужен [4, с. 406]. Таким образом, проблема социального переворота является проблемой не только внешнего, но и внутреннего перерождения человеческой жизни. Однако этот переворот требует преодоления анархии в хозяйственной жизни и планомерного обобществления всех сил и способов ее осуществления, а значит, и публично-правового регулирования, то есть идеи государства. Это и есть то противоречие, указывает П. Новгородцев, которое связано с необходимостью опираться на конкретные исторические факты для осуществления социалистического идеала, и которое приводит К. Маркса и Ф. Энгельса к идее "диктатуры пролетариата" для "овладения демократией". П. Новгородцев подробнейшим образом прослеживает развитие этой идеи в сочинениях К. Маркса и показывает несоответствие ее классической науке государственного права, представленной именами Д. Локка, Ш. Монтескье, Э. Сийеса и других. Он также показывает непоследовательность и, таким образом, логическую, научную несостоятельность позиции К. Маркса, который после Парижской Коммуны сам фактически отрицает универсальность своих же положений, говоря о возможности достижения своих целей пролетариатом наиболее развитых стран (Америка, Англия) провозглашенных целей без радикальной ломки "бюрократически-военной машины", то есть путем усовершенствования государства.

В контексте этой критики марксизма по-новому и с большей весомостью, а сегодня – и чрезвычайно актуально звучат примеры, приводимые П. Новгородцевым. Прежде всего, это сравнение Л. Троцким существа коммунистической диктатуры с терроризмом. Скорее даже не сравнение, а, как замечает сам П. Новгородцев, "удачное выражение для существа такой диктатуры" [9, с. 301]. Интересно, что и великий теоретик анархизма М. Бакунин (этот пример тоже приводит П. Новгородцев), в своей критике К. Маркса, подчеркивал, что никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя [9, с. 301]. Впрочем, все это не удивительно, ведь, например, перу одного из самых влиятельных теоретиков социал-демократии К. Каутского принадлежит книга (вышедшая в 1919 году) с красноречивым названием «Коммунизм и террор», а Л. Троцкий, описывая действия захвативших политическую власть последователей «научных коммунистов», анализирует вопрос «революция и институт заложников» [12].

Отсюда представляет интерес и рассмотрение П. Новгородцевым вопроса об отношении К. Маркса к праву. Согласно последнему любое право является, во-первых, выражением неравенства, и, во-вторых, является буржуазным. Буржуазным является вознаграждение за индивидуальную работу, точнее, притязания отдельных лиц на такое вознаграждение. П. Новгородцев, как юрист с этим полностью согласен и объясняет, каким образом интерпретация права связана с понятием свободы, равенства и общего блага как основой правового государства. Следует отметить предельную корректность и логическую точность критики русским правоведом теории немецкого экономиста, точнее политэкономиста, учившегося, правда, в университете у самого К. Савиньи. П. Новгородцев, приводя известное положение марксизма о «высшей фазе коммунистического общества, когда исчезнет противоположность между физическим и умственным трудами и все источники общественного богатства будут полными», цитирует даже не противников этой теории, а одного из последователей К. Маркса – Ж. Сореля, который назвал эти идеи не больше и не меньше, как "химерическими" [12, с. 311–312]. Можно привести еще много примеров научной правоты и удачных формулировок и наблюдений, принадлежащих П. Новгородцеву, например, когда еще до 1917 года, т.е. до большевистского переворота в России, он интерпретирует эту сущность марксизма в терминологии, которая станет широко известной только в 60-е годы XX столетия. Он говорит о "казарменном социализме", вводя в научный оборот слова О. Бисмарка, и ставя следующий вопрос: "Но оставалось непонятным, каким образом этот идеал крепостного и казарменного социализма Маркс и Энгельс могли называть "царством свободы" и связывать с ним представление о "всестороннем развитии личности" [9, с. 316].

П. Новгородцев, продолжая свой анализ в данном направлении, говорит о совпадении и близости марксизма и анархизма. Марксистский идеал – это идеал безграничного ожидания светлого и абсолютно бесконфликтного будущего. А поэтому даже определение К. Марксом слабого звена в правовом государстве (а это недостающие связи между властью и правом), не может показать путь без тотального разрушения даже этих связей. И с такими разрушительными тенденциями марксизм снова сближается с анархизмом. Ученый замечает в связи с этим, что "одновременно с социализмом Маркса пышно расцвел анархизм Бакунина", а в практической деятельности марксизм "отталкивался от чисто анархических выводов из анархических принципов"[9, с. 320]. Таким образом, показывает выдающийся российский философ права, марксизм и анархизм шли об руку, рядом, несмотря на имеющиеся отличия.

Вторая часть основного труда П. Новгородцева "Об общественном идеале", совершенно законченная, по его словам [9, с. 616], но утерянная, посвящена анализу кризисных явлений в анархизме и разложению этого движения. Из имеющегося краткого журнального варианта [9, с. 616–629], тем не менее, можно ясно понять существо взглядов философа права на эту проблему. Первое, на что обращает внимание П. Новгородцев, это сходство в судьбе социализма и анархизма, тоже как доктрины "весьма древнего происхождения", которая "достигает наивысшей степени законченности в XIX веке в эпоху разочарования в правовом государстве" [9, с. 616]. Как и социализм, отмечает П. Новгородцев, анархизм устремлен к будущему совершенству без общественных противоречий и противопоставляет себя историческим путям государственной жизни как чему-то темному, тоже обещая светлую гармонию земного рая. Как и социализм, констатирует П. Новгородцев, через внутренние непреодолимые противоречия он распадается на резко противоположные направления и растрчивает свою веру "под влиянием суровых опытов жизни".

Все учения анархистов (М. Штирнер, П. Прудон, М. Бакунин, П. Кропоткин, С. Фор и другие), невзирая на их различия, часто весьма существенные, имеют одно общее принципиальное положение – отрицательное отношение к государству. П. Новгородцев указывает на исследователя анархизма П. Эльцбахера, который пришел к выводу, что эти их учения настолько различные, что только этот признак (уверенность, что государственная власть является наибольшим злом и причиной всех бед и несчастий), в конце концов и объединяет их в одно направление. Но, замечает наш ученый, ведь и социализм К. Маркса и Ф. Энгельса завершается утопией безгосударственного состояния, и если судить с точки зрения практической законченности, то отрицание государства является столь же несостоятельным у П. Прудона и М. Бакунина, как и у них. Однако, если углубить анализ этих двух течений общественной мысли, утверждает П. Новгородцев, то станет ясно, что отрицание государства в каждом из них имеет различный смысл. Такой анализ и предпринимает русский философ права.

Его сопоставительный анализ касается прежде всего их отношения к государству, точнее – степени и причин их отрицания. Первое, это подход к этому вопросу: кроме общего, есть и важные отличия. Так, анархисты все без исключения отрицают государство, у социалистов есть исключения. То есть, делает вывод П. Новгородцев, "в самом существе анархизма содержится какое-то начало, которое несовместимо с идеей государства и которого нет в социализме" [9, с. 620]. Это вполне естественно, поскольку государственное принуждение несовместимо с анархистским толкованием свободы как верховного и безусловного закона общественной жизни. В социализме же исходным началом является понятие общности, даже счастье личности понимается как слияние ее с обществом, что в корне противоречит постулатам анархизма. Эгоизм анархизма – личностный, социализма – классово-обособленный, бунт анархизма – такой же разрушительный, но разные цели придают им различную направленность. Но этот бунт, его несозидательность снова объединяют данные два течения.

Как и всякая утопическая вера, в данном случае вера в земной рай на развалинах исторически сложившихся форм человеческого общежития, и анархизм, и социализм есть смешение космологической проблемы с социологической, говорит П. Новгородцев, и поясняет, что это касается прежде всего решения мировой проблемы зла и страдания через исправление существующего общественного устройства. Не изменяет сути вопроса то, что анархисты говорят о страдании вообще, а социалисты – о страдании пролетария, и также то, что анархисты принципиально изолируются от текущей политики, а социалисты допускают даже легальную борьбу, хотя и с оговор-

ками, как исключение из общего принципа. Но все же, именно утопия безгосударственного состояния является тем общим, что заставляет нас ставить эти теории в один ряд.

Но, как и социализме, в анархизме П. Новгородцев находит основное противоречие, раскалывающее его как минимум на два направления. Чистая идея анархизма, т.е. абсолютная свобода, без ограничения даже какими-либо нравственными началами (не говоря уж о нормах), всегда затем под влиянием жизненных условий приходит к самоотрицанию. Ведь, если мыслить следом за крайним анархизмом неограниченную свободу, то разрушается сама суть общества, т.е. общение людей а также их связи. Такое противоборство утопического и реалистического начал, свойственное и социализму, и анархизму, говорит П. Новгородцев, все же проявляется по-разному, исходя из их существа. Но рационалистический утопизм социалистического нормативного регулирования и иррационалистический утопизм анархистской бесконтрольной стихии, тем не менее, и в теории, и в практике постоянно тяготеют друг к другу и соприкасаются, поскольку невозможно удержаться исключительно на крайне радикальных принципах как с одной стороны, так и с другой.

Что же касается анархизма, то П. Новгородцев показывает, как уже П. Прудон, декларируя приверженность доктрине М. Штирнера, не может уйти от определенных философских определений, правда, заменяя понятия нормы, принципа, идеала, долга понятиями деятельности, силы, свободы. И от свободы, которая есть начало всемогущее, ожидается гармоническое и совершенное устройство жизни, т.е. получается, что в ней, в свободе скрыта некая сила и разума и порядка.

Интересно отметить, что в истории русской мысли уже отмечалось значение "страшного имени *Свободы*" (курсив автора. – А. Л.) [1, с. 324]. Великий русский мыслитель А. Герцен, сочувствовавший социализму, именно это понятие связывает с понятием террора. "Накликают террор не для того, чтобы идти вперед, а для того, чтобы идти назад" [1, с. 349], – говорит однако А. Герцен, доказывая еще в XIX веке, что терроризм не способен решить ни вопросов ни вопросов свободы, ни вопросов справедливости. не способен он решить и вопросов упорядочения общественной жизни даже на религиозной основе, предупреждал А. Герцен, приводя в пример "кровавого террориста католицизма" Ж. Местра [1, с. 349]. П. Новгородцев отмечает говоря об анархизме и его крайних проявлениях, что такой иррационализм, вместо признания сложности жизни, "представляет собой лишь опыт упрощения ее задач и путей" [9, с. 627], т.е., отметим мы, приводит еще один пример редукции утопического характера.

Таким образом, делает вывод ученый, гносеологически получается, что в философии анархизма, с его верой в спасительную силу отвлеченных догматов и односторонних начал, крайний иррационализм переплетается с крайним рационализмом, и в этом заключается источник величайшей ее (как и социально-философской системы социализма) слабости, часто проявляющейся в таких уродливых формах отчаяния, как террор. П. Новгородцев еще в начале XX века учил: разрушение устоев того, что существует, вовсе не означает, что, во-первых, не повторится опыт прошлого и, во-вторых, что свобода одних не принесет рабства другим, поскольку безусловная свобода личности включает в себя и возможность отрицания самой свободы.

Переведя свой анализ в этическую плоскость, П. Новгородцев задает можно сказать риторические вопросы. Например, если все освобождено, то почему окажется связанным зло и вместо гармонии не наступит вражда? [9, с. 628] Противопоставить же таким вопросам социальный иррационализм анархистов может только веру, и здесь, резюмирует П. Новгородцев, "повторяется судьба всех утопий, пытающихся утвердить здание человеческого счастья над бездной отрицания и неверия" [9, с. 628]. Говоря об особой роли Штирнера и Бакунина, Новгородцев отмечает конкретизацию различных практических задач у Прудона, Кропоткина, Теккера и других. Этот уклон в сторону реализма служит основой многих противоречий и рождает два основных направления, фактически противоположных. Одно, где подчеркивается общественная сторона анархического идеала, – направление коммунистическое, другое, основывающееся исключительно на начале личности, – индивидуальное. И снова выдающийся правовед подчеркивает значение именно права в ограничении того, что сегодня (причем в аналогичном аспекте) отмечают современные ученые, называя выход за рамки социальных норм девиантным поведением [14, стр. 44–54].

Отметим, что о справедливости и выводов, то есть результатов анализа, принятого П. Новгородцевым, и самой постановки вопроса о сущности, основном

противоречии и, соответственно, направлений развития данного течения общественной мысли, свидетельствуют и произведения классиков анархизма более поздних периодов. Так, Р. Рокер в 1947 году писал о существующей связи анархизма с рабочим движением, которая особенно ясно проявляется с 1922 года [13, р. 54–55], несколько позднее о колебаниях в выборе между революционным и реформистским путем пишет Н. Уолтер [16, р. 78–79]. П. Новгородцев же писал, что оба этих пути в конечном счете ведут к разложению анархизма как утопической надежды на революционное преобразование мира и веры в утопию безгосударственности. На примере современных ему теоретиков анархизма П. Новгородцев показывает, что снова они приходят к обычному для утопистов выводу об ожидании нового человека, который и создаст новую землю.

Выводы

1. В статье рассматривается критика русским правоведом и философом права начала XX века П. Новгородцевым марксизма и анархизма – наиболее влиятельных утопических теорий безгосударственного состояния.

2. П. Новгородцев доказал, что основным противоречием социализма и анархизма, а также причиной разложения этих течений и раскола на разные, часто противоположные направления, является невозможность из основополагающих фундаментальных принципов выдержать давление практических потребностей жизни и проверку историческими фактами.

3. Он показал общее и различное в отстаивании идеи безгосударственности социализме и анархизме, исходя из их общественных идеалов.

4. П. Новгородцев выявил гносеологические и этические корни слабости этих общественных идеалов, которые не в состоянии отвечать жизненным практическим задачам и потребностям.

5. Российский правовед и философ права показал опасность и угрозу этих идеалов: и сверхрациональный социалистический идеал тотального обобществления социальной жизни, и иррациональный идеал индивидуальной абстрактной свободы анархизма, фактически объединяясь в конечной своей цели уничтожения любого государства, имеют, в конце концов, отрицательный разрушительный потенциал террористического характера, о чем и предупреждал П. Новгородцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герцен А. И. С того берега // Собр. соч.: В 8 т. – Москва, 1975. Т. 3.
2. Литвинов А. Н., Полемика П. И., Новгородцева и Л. И. Петражицкого о возрождении естественного права, или как теория права, направляясь в Индию, может попасть в Америку // Философия права. 2004. № 2.
3. Максимов С. И. Правовая реальность: Опыт философского осмысления. – Харьков, 2002.
4. Маркс К. К еврейскому вопросу // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд-е 2. – Москва, 1955. Т. 1.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. Произведения: В 3 т. – Москва, 1980. Т. 1.
6. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. – Санкт-Петербург, 2000.
7. Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. № 4 (74). (начало статьи; Там же. 1904. № 5 (75). (окончание статьи).
8. Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права (к вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма: Сб. статей / Под ред. П. И. Новгородцева. – Москва, 1902.
9. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. – Москва, 1991.
10. Поклад В. И. Региональные факторы массовых типов социальных девиаций // Проблеми удосконалення законодавства та практики його застосування з урахуванням прогнозу злочинності: [Матеріали Міжнародної конференції]: Вісник Луганського інституту внутрішніх справ МВС України: У 4-х ч. – Луганськ, 1999. Ч. 2.
11. Проблемы идеализма: Сб. статей / Под ред. П. И. Новгородцева. – Москва, 1902.
12. Троцкий Л. Д. Их мораль и наша // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения, 1991. – Москва, 1992.
13. Roker R. Anarcho-Syndicalism. – Edinburg-London-Oakland, 2004.
14. Šlapkauskas V. Socialinės deviacijos intensyvejimas // Jurisprudencija. 2001. Т. 19 (11).

15. **Vaišvila A.** Teisinės Valstybės Konceptija Lietuvoje. – Vilnius, 2000.
16. **Wolter N.** About anarchism. 2002.

P. Novgorodcevo valstybės sunykimo utopijos kritika (prieš marksizmą ir anarchizmą)

Doc. dr. Aleksandr Litvinov
Lugansko vidaus reikalų akademija, Ukraina

Pagrindinės sąvokos: nevalstybingumo utopija, marksizmas, anarchizmas, terorizmas, teisinė valstybė, asmenybė, visuomenė, visuomenės idealas.

SANTRAUKA

Šiame moksliniame straipsnyje nagrinėjami žymaus XIX–XX amžiaus pradžios rusų teisės filosofo, visuomenės veikėjo, teisinės valstybės propaguotojo P. I. Novgorodcevo teoriniai veikalai („Įvadas į teisės filosofiją“; „Šiuolaikinė teisinės sąmonės krizė“; „Apie visuomenės idealą“ ir kt.) valstybės tema. Straipsnyje dėmesys sutelkiamas į tai, kaip P. I. Novgorodcevas aiškino marksistinio ir anarchistinio požiūrio į valstybės nunykimo perspektyvas nepagrįstumą. Straipsnyje parodoma, kad ir marksistų, ir anarchistų teorinė prielaida apie tobulą, nekoniškišką visuomenės būseną, kai valstybės reguliavimo funkcija pasidaro nebereikalinga, teoriškai yra nekorektiška ir praktiškai neįgyvendinama. Straipsnyje pabrėžiama, kad K. Markso teiginys apie visuotiną žmonių emancipaciją ydingas tuo, kad atvers kelią nevaldomam individų egoizmui. Oponuojant šiai marksistinei tezei straipsnyje pateikiama P. I. Novgorodcevo tezė, ginanti žmogaus ir valstybės interesų vienovę liberalioje ir demokratinėje valstybėje. Straipsnyje taip pat pateikiami argumentai, bylojantys, kad proletarinės revoliucijos, siekusios „pagreitinoti“ emancipacijos procesus ir valstybės nunykimą, sulaukė priešingo rezultato – proletariato diktatūros, t. y. „kareivinių socializmo“ – totalitarinės nehumaniškiausios valstybės valdymo formos. Straipsnyje parodoma, kaip P. I. Novgorodcevas siejo žmonių tikėjimą tobula visuomenės būsena su žmonių primityviais vaizdiniais apie dangišką gyvenimą rojaus sąlygomis, kitais socialiniais ir religiniais veiksniais.

Straipsnyje taip pat aptariamos P. N. Novgorodcevo mintys apie anarchistines doktrinas, apie jų idėjinį ryšį su marksistine doktrina valstybės nunykimo klausimu. Straipsnyje parodoma, kad anarchistinis mąstymo stilius būdingas ir kai kuriems mūsų laikmečio visuomenės sluoksniams. Straipsnyje daroma išvada, kad šių dienų anarchistinis individualizmas ne maskuojasi pastanga paneigti valstybės autoritetą, bet dangstosi kitomis etiketėmis: žmogaus neribojamo individualumo gynimu (jo visiškai moraliai nedeterminuojama seksualine laisve, privilegija keisti savo genetinę prigimtį ir kt.). Šių dienų anarchistinis individualizmas „bombarduoja“ valstybės pagrindus dogmatiškai interpretuodamas ir vertindamas kai kurias žmogaus teises, atsiedamas jas nuo realaus socialinio konteksto, nuo faktiškų ir moraliai nulemtų žmogaus gyvenimo atributų.

Criticism by Pavel Novgorodtsev of Utopia of out Politician (against Marxism and Anarchism)

Assoc. Prof. Dr. Alexandr Litvinov
Institute for Internal Affairs of Lugansk, Ukraine

SUMMARY

This article is written in connection with the 80th anniversary of the death of outstanding lawyer – historian and philosopher of law Pavel Novgorodtsev (1866–1924), who was the founder of the school of ethical and idealism in law studying known as the "school of regenerative natural law". Glossing over his name in the Soviet time was an act of revenge of this political regime to the first (not only in Russia) science critic of Marxism proving not only insolvency but emergent danger of this theory and first of all it's tendency to terrorism.

The article deals with the problem of the most influent utopia of outpolitician - "scientific socialism" and anarchism in early of XX century. P. Novgorodtsev proved that the main contradiction of these tendencies and also the cause of their decomposition and disunity on different often opposite directions was the impossibility of these fundamental principles to stand the pressure of the practical life needs and examination of historical facts. He pointed to the general and various tendencies in the idea of outpolitician proving by socialism and anarchism proceeding of their social ideals.

P. Novgorodtsev revealed gnoseological and ethical bases of weakness of these social ideals which are not able to answer the practical requirements and life needs. He pointed to danger and threat of these ideals: the superrational socialist ideal of total socialization of common life and irrational ideal of personal abstract freedom of anarchism practically united in their ultimate aim to destroy the state. Because these ideals and following of them aims have negative destructive potential of terrorist character about what P. Novgorodtsev warned.

